

«Московский комсомолец»
г. Москва, 11 янв. 1976 г.

По случайному стечению обстоятельств мы встретились с Ростиславом Яновичем на следующий же день после того, как миллионы зрителей испытали огромное огорчение из-за расставания с ним. В очередной серии нашумевшего телефильма «Ольга Сергеевна» не стало академика Никифорова, которого играл Плятт. И две прозрачные слезы на глазах героини, узнавшей об этом печальном известии, не могли сравниться с ручьями слез, пролившимися по нашу с вами сторону голубого экрана. Актера этого любили, очень любили, причем как-то не так, как других кумиров кино-, теле- и театральной аудитории.

Симпатии к нему замешаны не на восторгах по поводу голубых глаз, орлиного профиля и антрацитовых (или льняных) кудрей. В основе этой прочной и глубокой привязанности лежит уважение к каждой его новой работе, интерес к личностям его героев, убежденность, что Плятт — не только талантливый и трудолюбивый, но прежде всего умный артист.

Соседка моя, женщина взрослая, интеллигентная и весьма серьезная, никогда, кажется, не собиравшая актерских фотографий, страшно взволновалась, узнав, что Ростислав Янович согласился дать мне интервью. Несколько раз она заглядывала ко мне то за солью, то за перцем и, на-

конец, решилась: «Спросите его, пожалуйста, о... Впрочем, это пустяки... Словом, спросите его, как он себя чувствует». Такова, наверное, сила искусства актера, что, играя смертельно больного ученого, он заставил людей тревожиться по поводу его собственного здоровья.

Спрашивать о здоровье я постеснялся, но из всего разговора могу заключить, что артист по-прежнему бодр, ироничен по отношению к самому себе (и чуточку, но обидно, — к собеседнику), полон творческих планов. Так что все здесь, как говорится, слава богу. Но не будем томить читателя далее, приступим к делу — к нашей беседе.

уцененный товар. Впрочем, это относится к любой профессии, если только человек делает свое дело творчески. Думаю, что Стаханов, прежде чем пойти на рекорд, тоже не спал ночами.

— Как вы относитесь к феномену зрительского поклонения перед артистом?

— По-разному. Прежде всего ясно осознаю, что актер — это проводник идей писателя, режиссера, художника, оператора, композитора, даже костюмера. Так что выпадающий на нашу долю успех надо непременно делить на много частей (как, между нами говоря, и критику). Что же до самих проявлений интереса публики, то они бывают всякими... С интересом я читаю адресованные мне письма, иногда нахожу в них пользу для работы, а отвечаю далеко не всем корреспондентам. Высылать свои фотографии не вижу смысла, делиться подробностями личной жизни — тоже.

Когда-то меня изумляло, что люди на улице оборачиваются, увидев меня, потом досадовала невозможность побыть наедине с собой, сейчас же отношусь к этому с юмором. Недавно вот в ГУМе девушка-продавщица добровольно принесла откуда-то кусок хорошей материи на костюм — посмеялся, но купил. Хуже бывает, когда тебя отождествляют с твоими героями. Могу рассказать вам забавную историю на эту тему.

20 лет назад мы гастролировали в Свердловске. На одной из встреч со зрителями получаю такую записку: «Плятт, все грабишь, убиваешь, насиливаешь. Пора о душе подумать!». Решаю,

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

У нас в гостях

народный

артист СССР

Ростислав ПЛЯТТ

— Ростислав Янович, вас считают учеником Завадского. Скажите, пожалуйста, несколько слов о вашем учителе.

— Могу сказать, и не несколько, а тысячу слов о Юрии Александровиче! Мне страшно повезло, чуть ли не с детства я — под крылом у Завадского, он был моим школьным (в смысле актерской школы) педагогом, руководит мною и по сей день. Иногда меня спрашивают: не скучна ли такая верность? Отвечаю: нет,нисколько. Десятилетия, проведенные рядом, бок о бок, дают великолепное взаимопонимание. Режиссер знает, на что способен актер, актер знает, чего добивается режиссер. Прекрасно.

На чем же базируется глубочайшее уважение, которое я испытываю к главному режиссеру Академического театра имени Моссовета, где проработал всю жизнь? Творческое кредо Завадского сформировалось под влиянием двух великих художников: Станиславского и Вахтангова. В результате он обладает пониманием тончайших движений человеческого духа и острым чувством формы сценического образа. Внешние и внутренние проявления характера в его представлениях сливаются воедино, образуя оригинальную, выпуклую, исполненную жизни личность персонажа.

Причем он приводит актера к итогу работы над ролью, не насылая его, не выдавливая, как тюбик с краской, а незаметными, деликатными и остроумными «подсказками», как говорят у нас за кулисами. Начинает казаться даже, будто ты сам все так хорошо придумал и нашел, а он только не мешал твоему поиску.

— Ваш актерский путь кажется несколько необычным. Часто бывает так: начинает артист с главных, героических, «голубых» ролей, а с годами, когда внешние данные, как бы это выразиться, меняются...

— Скажите уж честно: морщины лезут, и плечи опускаются...

— ...ну, допустим, но одновременно и возрастает мастерство. И тогда он переходит к эпизодическим, характерным, как правило, более выразительным образам. У вас же получилось, по-моему, наоборот. Зрители постарше хорошо помнят разных «типов», сыгранных вами лет 20—30 назад. Теперь же вы исполняете роли вполне положительные, скажем, Никифоров — это уж просто герой-любовник. Как объясняете вы такую метаморфозу?

— Занятно, занятно... Думаю, однако, что все здесь не так однозначно. Еще в 1946 году я сыграл Гарри Смита в пьесе Симонова «Русский вопрос», причем благословен был на эту именно голубую роль самим драматургом. Тем не менее я всю жизнь число себя характерным актером и в последние годы вовсе не изменил этого мнения.

Что же касается академика из «Ольги Сергеевны», то это случай особый. Для меня роль ученого, полюбившего на склоне лет молодую женщину, явилась по сути дела тоже характерной, непривычной, острой. И вот почему. Я люблю искать для своих персонажей краски, приметы, детали не свойственные мне как индивидууму. Здесь же пришлось пускаться в ход свое собственное, «вынимать» черты героя из «внутреннего кармана». Попытка сыграть такими средствами — это ново для меня.

Я стою за целесообразность формы. Человек на экране или сцене должен быть понятен зрителям не только по его поступкам, словам, интонациям, но и по внешнему своему облику. Все средства, отпущенные актеру, должны работать на одну цель — убедить публику поверить в реальность вымышленного образа. Например, играя вора и негодяя Васюку Щербатых в фильме «Парень из тайги», я придумал себе нагловато-трусливую манеру говорить, дергающуюся походку, надел тютюветку, сделавшую лоб узким, даже сморщился старался как-то тупо. А работая над ролью физика Данкевича из картины «Иду на грозу», я вслед за автором экранизированной книги Даниилом Граниным позимствовал некоторые особенности поведения и внешности у академика Льва Давидовича Ландау.

Важно знать, что все это — лишь гарнир к тому блюду, каким должна стать роль. Главное (мясо) в нашем приме-

ОБРАЗЫ И ШТАМПЫ

ре) — внутренний мир героя. Подробности, вроде названных мною, интересны и существенны, только если актеру удастся начать думать и чувствовать, как его персонаж.

— Наверное, это особенно трудно, когда играешь глубоко антипатичную личность? Здесь опасно невольно подменить так называемыми «актерскими приспособлениями» образ мысли и ощущения отрицательного действующего лица...

— Естественно. Можно начать рычать и ходить по сцене скобочившись, но никого этим не испугать. Не-ет, задача в таком случае значительно сложнее и тоньше. Сыграв целую «уголовную галерею», я всегда стремился обнаружить живые черты отравленного. Пытался что-то «переставить» в себе и тем самым повернуть стрелку нравственного компаса в другую сторону. Скажем, снимаясь в роли остолопа Бубенцова в «Весне», убедить себя, что бездельничать — хорошо. Только тогда его сакраментальная фраза «Где бы ни работать» — лишь бы не работать» могла стать точной и заключить в себе определенное мировоззрение.

— Актеров часто спрашивают, кого они хотели бы сыграть, о какой роли мечтают?

— В последнее время я начал подумывать: а не изобрести ли и мне такую роль? Гамлет не подойдет, но, может быть, король Лир сгодится?

— И все-таки вопрос это естественный — в источах банальностей часто лежат верные мысли. В данном случае речь идет о том, что мечта способна многое рассказать о ее носителе.

— Ну, тогда я отвечу вам не только от своего имени, но от лица сотен моих коллег. Все мы жаждем роли нашего современника, а те из нас, кому уже доставались такие герои, вошли во вкус и стремятся к ним больше прежнего. Поверьте, это не бездумный, «дежурный» ответ интервьюеру, не парадная форма, а крик души. Наибольший контакт со зрителем достигается именно на сегодняшнем драматургическом материале, активнее всего публика сопереживает разговору о проблемах нынешних, а не о «преданьях старины глубокой».

— Последние ваши роли — пастор Шлаг в «Мгновениях», Прокурор в «Аварии», упомянутый уже Никифоров — заставляют предположить, что вы теперь сторонитесь кино. Так ли это?

— Напротив, снимаюсь в телефильмах, я все время скучаю по кинематографу. Мне кажется, что большой экран и общность зрителей, собравшихся в зале кинотеатра, дают актеру больше возможностей, чем ТВ. Но не будем углубляться в старый спор. Просто не предлагают ничего особенно интересного.

Знаете ли, в молодости люди более всеядны. В них еще сильна надежда, что из ущербного материала можно сделать шедевр. Юношеский азарт, желание все успеть рождает много брака, но и много удач. С возрастом начинаешь выбирать строже — силы-то ограничены. Что-то при этом выигрываешь, а что-то и теряешь...

— Тяжела ли жизнь актера?

— Наверное, да. Я не говорю про нагрузку физическую, а она бывает очень велика: бесконечная беготня из театра на студию, а оттуда на радио, тяжелый свет софитов и диггов, грим на лице, как крем на торте, ночные съемки... Но куда утомительнее работа интеллектуальная и эмоциональная — выходных дней тут не бывает. Если в тебе рождается некое новое существо, если ты вынашиваешь образ, то отключиться от этого процесса нельзя, невозможно. Без одержимости своей ролью непременно создашь

что это актерский розыгрыш, зачитываю записку вслух и прошу подняться ее автора. Встает, представляется: Мануйлов, техник с овощной базы. Товарищ Мануйлов, говорю я ему, актеры и их персонажи — это разные люди, не надо их путать друг с другом. Нет, отвечает мне он, если вы играете разных подлецов, значит, есть у вас стремление к пакостям — никто же вас, дескать, не заставляет сниматься. Тогда я приглашаю своего оппонента на ближайший спектакль нашего театра — давали мы тогда «Шторм» Билля-Белоцерковского, где я играл большевика Раевича, кристальной души человека. После спектакля захожу, хоть и не положено, в гриме и костюме, с седой бородой к овощному технику. Ну, как? — спрашиваю. Прекрасно! — говорит он, — сияя от восторга. — Перековался! Можешь, стало быть, если возьмешь себя в руки...

— Зрители пристально, во все глаза следят за актерами, но и актеров живо интересуют люди по ту сторону рампы. Говорят, в занавесе любого театра есть специальное отверстие, чтобы смотреть в зал. Кого же вы там видите?

— Тех, ради кого только и стоит посвящать себя нашей профессии, — людей умных, деятельных, искренних, добрых и требовательных. На мякине их не проведешь, но зато любое зернышко истинного искусства они будут холить и лелеять, награждать аплодисментами и благодарной, взволнованной тишиной. Конечно, зритель — понятие не монолитное, то, что нравится одним, другие отвергают абсолютно категорически, но равнодушия, замедленности кровообращения, вялости реакции не встретишь почти никогда.

Особенно показательна в этом смысле молодежная аудитория, ее оценка затрагивает меня более всего, взаимопонимание с нею мне всего дороже. Но... Позволено ли мне будет воспользоваться страницами вашей комсомольской газеты, чтобы немножко поворчать?

— Конечно!

— Так вот. Меня очень огорчает наметившийся сейчас стандарт внешнего и, опасаясь, внутреннего облика молодого человека. Я не против длинных причесок — некоторым они даже идут. Не осуждаю джинсы — одежда практичная, удобная, как раньше говорилось, немаркая. Не прочь я и послушать песни под аккомпанемент гитары — приятный, нежный, трогательный инструмент. Но когда эти три приметы становятся непрременным условием, обязательной чертой, некоей даже гордостью юноши — я недоумеваю.

Бывают штампы литературно-художественные, а бывают штампы жизненные. Когда на одну колодку делаются штампы, это еще можно перенести, но ежели так получается хотя бы с какой-то частью молодежи, а молодежи — это наше будущее, становится обидно. Начинаешь сомневаться: а читают ли они книжки сверх обязательного минимума, а думают ли? Монотонность времяпрепровождения, все эти «трень-брень» в подъезде не могут в конце концов не отразиться на образе мышления, на образе чувствования. Я не посягаю на чье бы то ни было право выглядеть так, как ему нравиться, и делать по вечерам то, что хочется, но искренне желаю ребятам, выписывающим вашу газету, быть похожими только на себя самих, не надевать униформу ни на тело, ни на душу.

Если говорить серьезно, для этого я и работаю всю жизнь.

Вел беседу
С. ВИШНЯКОВ.